

Озорник

По большой, светлой комнате редакции N-ской газеты нервно бегал взволнованный, гневный редактор и, тиская в руках свежий номер, отрывисто кричал и ругался. Редактор был маленький, с острым худым лицом, украшенным бородкой и золотыми очками. Топая ножками в серых брюках, он кружился подле длинного стола среди комнаты, заваленного скомканными газетами, корректурными гранками и клочьями рукописей. У стола, облокотясь на него одной рукой, а другой потирая лоб, стоял издатель высокий, полный блондин средних лет и, с тонкой усмешкой на белом сытом лице, следил за редактором светлыми глазами. Метранпаж, угловатый человек с желтым лицом и впалой грудью, в коричневом сюртуке, очень грязном и не по росту длинном, робко жался к стене. Он поднимал брови кверху и таращил глаза в потолок, как бы что-то вспоминая или обдумывая, а через минуту разочарованно потягивал носом и уныло опускал голову на грудь. В дверях торчала фигура редакционного рассыльного; то и дело отталкивая его, входили и снова исчезали какие-то люди с озабоченными и недовольными лицами. Голос редактора злой, раздраженный и звонкий иногда поднимался до взвизгиваний и заставлял издателя морщиться, а метранпажа испуганно вздрагивать.

Нет... это такая подлость! Я уголовное преследование возбужу против этого мерзавца... Корректор пришел? Черт возьми, я спрашиваю пришел корректор? Собрать сюда всех наборщиков! Сказали? Нет, вы только сообразите, что теперь будет! Все газеты подхватят... Ср-рам! На всю Россию... Я не спущу этому мерзавцу!

И, подняв руки с газетой к голове, редактор замер на месте, как бы желая обернуть газетой голову и тем защитить ее от ожидаемого срама.

Вы прежде найдите его, сухо усмехаясь, посоветовал издатель.

Н-найду-с! Н-найду! сверкнул глазами редактор, снова пускаясь в бег, и, прижав газету к груди, начал ожесточенно теревить ее. Найду и упеку... Да что же этот корректор?.. Ага... Вот... Ну-с, прошу пожаловать, милостивые государи! Гм!.. Смиранные командиры свинцовых армий... Проходите-с...

Один за другим в залу входили наборщики. Они уже знали, в чем дело, и каждый из них приготовился к роли обвиняемого; они единодушно изображали на своих чумазах лицах, пропитанных свинцовой пылью, полную неподвижность и какое-то деревянное спокойствие. Редактор остановился перед ними, закинув руки с газетой за спину. Он был ниже их ростом, и ему пришлось поднять голову кверху, чтобы взглянуть им в лица. Он сделал это

движение слишком быстро, и очки вдруг вскочили ему на лоб; думая, что они падают, он взмахнул в воздухе рукой, ловя их, но в этот момент они снова упали на переносье.

Черт вас, скрипнул он зубами.

На чумазах рожах наборщиков засияли счастливые улыбки. Кто-то подавленно засмеялся.

Я вас призвал сюда не затем, чтобы вы зубы ваши покапывали мне! озлобленно крикнул редактор, бледнея. Кажется, достаточно оскандалили газету... Если среди вас есть честный человек, который понимает что такое газета, пресса... он скажет, кто это устроил... В передовой статье... Редактор стал нервно развертывать газету.

Да в чем дело-то? раздался голос, в котором не слышно было ничего, кроме простого любопытства.

А! Вы не знаете? Ну вот извольте... вот... Наше фабричное законодательство всегда служило для прессы предметом горячего обсуждения... то есть говорения глупой ерунды и чепухи!.. Вот! вы довольны? Не угодно ли будет тому, кто добавил эти говорения... и главное говорения! как это грамотно и остроумно! ну-с, кто же из вас автор этой глупой ерунды и чепухи?..

Статья-то чья? Ваша? Ну, вы и автор всего, что в ней нагорожено, раздался тот же спокойный голос, который и раньше спрашивал редактора.

Это было дерзостью, и все невольно предположили, что виновник события найден. В зале произошло движение; издатель подошел ближе к группе, редактор поднялся на цыпочки, желая взглянуть через головы наборщиков в лицо говорившему. Наборщики раздвинулись. Пред редактором стоял коренастый малый, в синей блузе, с рябым лицом и вьющимися кверху вихрами на леном виске. Он стоял, глубоко засунув руки в карманы штанов, и, равнодушно уставив на редактора серые, злые глаза, чуть-чуть улыбался из курчавой русой бороды. Все смотрели на него издатель сурово нахмутив брови, редактор с изумлением и гневом, метранпаж сдержанно улыбаясь. Лица наборщиков изображали и плохо скрытое удовольствие, и испуг, и любопытство...

Это... вы и есть? спросил наконец редактор, указывая пальцем на рябого наборщика, и многообещающе сжал губы.

Я... ответил тот, усмехнувшись как-то особенно просто и обидно.

А-а!.. весьма приятно! Так это вы? Зачем же вы вставили, позвольте узнать...

Да я разве сказал, что вставил? И наборщик посмотрел на своих товарищей.

Это он, наверное, Митрий Павлович, обратился к редактору метранпаж.

Ну я, так я, не без некоторого добродушия согласился наборщик, махнув рукой.

Опять все замолчали. Никто не ожидал такого скорого и спокойного

признания. Гнев редактора сменился на минуту изумлением. Пространство вокруг рябого стало шире, метранпаж быстро отошел к столу, наборщики расступились...

Ты ведь это нарочно, с намерением? спросил издатель, оглядывая рябого круглыми глазами.

Извольте отвечать! крикнул редактор, взмахивая смятой газетой.

Не кричите... не боюсь! Многие на меня кричали, да без толку всё!.. И в глазах наборщика сверкнул ухарский, наглый огонек. Точно... продолжал он, переступив с ноги на ногу и обращаясь уже к издателю, я это с намерением подставил слова...

Слышите? обратился редактор к публике.

Да что же ты такое в самом деле, чертова ты кукла! взбесился вдруг издатель.

Понимаешь ли ты, сколько ты вреда мне сделал?

Вам-то ничего... еще, чай, розничную продажу увеличил. А вот господину редактору действительно... не особенно по губе этакая штучка.

Редактор точно окаменел от негодования; он стоял перед этим спокойным и злым человеком и молча сверкал глазами, не находя слов для выражения волновавших его чувств.

А ведь тебе за это, брат, худо будет! злорадно протянул издатель и вдруг, смягчившись, ударил себя рукой по колену.

В сущности, он был доволен и происшествием и дерзким ответом рабочего: редактор относился к нему всегда несколько высокомерно, не стараясь скрывать сознания своего умственного превосходства, и вот теперь он, этот самолюбивый и самоуверенный человек, повержен во прах и кем?

За эту твою дерзость мы тебе, душа, воздадим!.. добавил он.

Да уж, наверно, не спустите, согласился наборщик.

Этот тон и эти слова опять произвели впечатление. Наборщики переглянулись друг с другом, метранпаж поднял брови и как-то съежился, редактор отступил к столу и, опершись на него руками, более растерянный и обиженный, чем гневный, пристально смотрел на своего врага.

Зовут тебя как? спросил издатель, вынув из кармана записную книжку.

Николка Гвоздев! быстро объявил метранпаж.

А ты, Иуда, молчи, когда тебя не спрашивают, сурово взглянув на метранпажа, сказал наборщик. У меня свой язык есть, я сам за себя отвечаю...

Зовут меня Николай Семенович Гвоздев... Жительство...

Найдем! пообещал издатель. А теперь убирайся к черту! Все идите!..

Громко топая, наборщики пошли вон. Гвоздев шел сзади всех.

Постой... позволь... сказал редактор тихо, но ясно и протянул руку вслед Гвоздеву.

Гвоздев обернулся к нему, ленивым движением прислонился к косяку двери и,

покручивая бородку, уставился в лицо редактора дерзкими глазами. Я тебя вот о чем спрошу, начал редактор. Он хотел быть спокойным, но это не удавалось ему: голос его срывался, переходил в крик. Ты сознался... что, делая этот скандал... имел в виду меня. Да? Значит, это что же? месть мне? Я тебя спрашиваю за что? Ты понимаешь это? Можешь ты мне ответить?

Гвоздев передернул плечами, скривил губы и, опустив голову, помолчал с минуту. Издатель нетерпеливо притоптывал ногой, метранпаж вытянул вперед шею, а редактор кусал губы и нервно хрустел пальцами. Все ждали. Я, пожалуй, скажу... Только, как я необразованный человек, то, пожалуй, непонятно будет... Ну, уж извините тогда!.. Вот, стало быть, в чем дело. Вы пишете разные статьи, человеколюбие всем советуете и прочее такое... Не умею я сказать вам все это подробно грамоту плохо знаю... Вы, чай, сами знаете, про что речи ведете каждый день... Ну, вот я и читаю эти ваши статьи. Вы про нашего брата рабочего толкуете... а я все читаю... И противно мне читать, потому что все это пустяки одни. Одни слова бесстыжие, Митрий Павлыч!.. Потому что вы пишете не грабь, а в типографии-то у вас что? Кирьяков на прошлой недели работал три с половиной дня, выработал три восемь гривен и захворал. Жена приходит в контору за деньгами, а управляющий ей говорит, что не ей дать, а с нее нужно рубль двадцать получить штраф. Вот те и не грабь! Вы что же про эти порядки не пишете? И как управляющий лается и мальчишек дует за всякую малость?.. Вам этого нельзя писать, потому что вы и сами-то этой же политики держитесь... Пишете, что людям плохо жить на свете, и потому ни, я вам скажу, все это пишете, что ничего больше делать не умеете. Вот и все... И потому под носом у себя вы никаких зверств не видите, а про турецкие зверства очень хорошо рассказываете. Разве это не пустяки статьи-то ваши? Давно уж мне хотелось, стыда вашего ради, истинные слова в ваши статьи вклеить. И не так бы еще надо.

Гвоздев гордо выпятил грудь, высоко поднял голову и, не скрывая своего торжества, в упор смотрел на редактора. А редактор плотно прижался к столу, вцепившись в него руками, откинулся назад и то бледнел, то краснел и все улыбался презрительно, смущенно и болезненно. Широко открытые глаза его часто моргали.

Социалист? с боязнью и интересом спросил издатель, вполголоса обращаясь к редактору. Тот улыбнулся, но ничего не ответил, склонив голову.

Метранпаж ушел к окну, где стояла кадка с филодендроном, бросавшая на пол комнаты теневой узор, стал за кадку и смотрел оттуда на всех маленькими черными и подвижными, как у мыши, глазами. В них было какое-то нетерпеливое ожидание и порой вспыхивал радостный огонек. Издатель смотрел на редактора. Тот почувствовал это, поднял голову и с беспокойным

блеском в глазах, с нервной дрожью в лице крикнул вслед уходявшему Гвоздеву:

Позвольте... постойте! Вы оскорбили меня. Но вы не вправе... я надеюсь, вы это чувствуете? Я благодарен вам за... в-вашу... прямому, с которой вы высказались, но, повторяю...

Он хотел говорить с иронией, но вместо иронии в словах его звучало что-то бледное и фальшивое, и он сделал паузу, желая настроить себя к отпору, достойному и его и этого судьи, о праве которого судить его, редактора, он никогда еще не думал.

Известно! качнул головой Гвоздев. Тот только и прав, кто много сказать может.

И, стоя в дверях, он оглянулся вокруг себя с таким выражением на лице, которое ясно показывало его нетерпеливое желание уйти отсюда.

Нет, позвольте! повышая тон и поднимая руку кверху, заявил редактор. Вы выдвинули против меня обвинение, а раньше этого самовольно наказали меня за мою якобы вину пред вами... Я имею право защищаться, и я прошу вас слушать.

Да вам какое до меня дело? Вы перед издателем защищайтесь, коли нужно. А со мной-то о чем говорить? Обидел я вас, так к мировому тащите. А то защищаться! Он круто повернулся и, заложив руки за спину, пошел.

На ногах у него были тяжелые сапоги с большими каблуками, он громко стучал ими, и шаги его гулко раздавались в большой, сараеобразной комнате редакции.

Вот так история с географией! воскликнул издатель, когда Гвоздев захлопнул за собою дверь.

Василий Иванович, я тут ни при чем, в этом деле... заговорил метранпаж, виновато разводя руками, и осторожными коротенькими шагами подошел к издателю. Я верстаю набор и никак не могу знать, что мне дежурный сунет. Я-с целую ночь на ногах... нахожусь здесь, а дома у меня жена хворает, дети без присмотра... трое... Я, можно сказать, кровью истекаю за тридцать рублей в месяц-то... А Федору Павловичу, когда они нанимали Гвоздева, я говорил: Федор Павлович, говорю, я Николку с мальчишек знаю и должен вам сказать, что Николка озорник и вор, без совести человек. Его уже у мирового судили, говорю, сидел в тюрьме даже...

За что сидел? задумчиво спросил редактор, не глядя на рассказчика.

За голубей-с... то есть не за голубей, а за взломы замков. В семи голубятнях сломал замки в одну ночь-с... и все охоты выпустил на волю всю птицу разогнал-с! И у меня тоже пара смурых, один турман с игрой да скобарь так и пропали. Очень ценные птицы.

Украл? любопытно осведомился издатель.

Нет, этим не балуется. Судился и за воровство, да оправдали. Так он озорник... Распустил птицу и рад, надсмехается над нами, охотниками... Били уж его не однажды. Раз после битья в больнице даже лежал... А вышел у кумы моей в печи чертей развел.

Чертей? изумился издатель.

Чушь какая! пожал плечами редактор, наморщив лоб, и, снова кусая губы, задумался.

Это совершенная истина, только сказал не так, сконфузился метранпаж. Он, видите, печник, Николка-то. Он на все руки: по литографской части смекает, гравер, водопроводчиком был тоже... Так вот кума у нее свой дом, она из духовного звания и наняла его печь переложить. Ну, он переложил, все как следует; но только, подлый человек, в стену-то печи вмазал бутылку со ртутью и с иголками... и еще чего-то кладется там. От этого происходит звук особый этакый, знаете, как бы стон и вздох, и тогда говорят черти в доме завелись. Печь-то вытопят, ртуть в бутылке нагреется и пойдет там бродить. А иголки по стеклу скребут, точно зубом кто скрипит. Кроме иголок, еще разные железины в ртуть кладут, и от них тоже разные звуки иголка по-своему, гвоздь по своему, и выходит этакая чертовская музыка... Кума даже продать хотела дом, да никто не покупает, кому понравится с чертями-с? Три молебна с водосвятием служила не помогает. Ревет женщина, дочь у нее невеста, кур голов до ста, две коровы, хорошее хозяйство... и вдруг черти! Билась, билась, смотреть жалко. Николка же ее и спас, можно сказать. Давай, говорит, пятьдесят целковых выгоню чертей! Она ему сначала четвертную дала, а потом как он вытащил бутылку да дознались, в чем дело, ну и прощай! В суд хотела подать, но ей отсоветовали... И еще за ним многие художества водятся. За одно из этих милых художеств с завтрашнего дня я буду расплачиваться. Я?! нервно воскликнул редактор и, сорвавшись с места, снова начал метаться по комнате. О, боже мой! Как глупо, пошло все это...

Ну-у, очень уж вы! успокоительно сказал издатель. Сделайте поправку, объясните, почему это вышло... Малый-то больно интересный, прах его возьми. Чертей в печку насажал, ха-ха! Нет, ей-богу! Проучить мы его проучим, но мерзавец с умом и возбуждает к себе что-то этакое... знаете!.. Издатель щелкнул над головой пальцами и кинул взгляд в потолок.

Вас это занимает, да? резко крикнул редактор.

Ну так что? Разве не смешно? С умом, бестия! оплатил издатель редактору за окрик. По какой статье вы с ним считаться-то намерены?

Редактор быстро подбежал вплоть к издателю.

Считаться я с ним не буду-с! Не могу-с, Василий Иванович, потому что этот фабрикант чертей прав! У вас в типографии черт знает что творится, вы

слышали? А я играю дурака, по вашей милости. Он тысячу раз прав!
И в том добавлении, которое внес в вашу статейку? едко спросил издатель и иронически поджал губы.

Ну так что ж? И в этом, да! Вы поймите, мы ведь либеральная газета...
Печатаем две тысячи экземпляров, считая бесплатные и обменные, сухо вставил издатель. А наш конкурент в девяти тысячах расходится!

Н-ну-с!

Больше ничего.

Редактор безнадежно махнул рукой и снова с потускневшими глазами стал ходить взад и вперед по зале.

Прелестное положение! бормотал он, пожимая плечами. Какая-то универсальная травля! Все собаки на одну, а эта в наморднике. И этот несчастный р-рабочий! О, боже мой!

Да плюньте, батенька, не волнуйтесь! посоветовал вдруг Василий Иванович, добродушно усмехаясь, как бы утомившись волнениями и пререканиями. Пришло и пройдет, и честь свою вновь восстановите. Дело гораздо больше смешное, чем драматическое.

Он миролюбиво протянул редактору свою пухлую руку и пошел было из залы в контору.

Вдруг дверь в контору растворилась, и на пороге явился Гвоздев. Он был в картузе и не без некоторой любезности улыбался.

Я пришел сказать вам, господин редактор, что ежели вы хотите со мной судиться, то скажите потому я отсюдова уеду, а по этапу возвращаться неохота.

Убирайся вон! чуть не рыдая от бешенства, взвыл редактор и бросился в глубину комнаты.

Значит, квит, сказал Гвоздев, поправил на голове картуз и, спокойно обернувшись на пороге, исчез.

О-о, бестия! с восхищением выдохнул из себя Василий Иванович вслед Гвоздеву и, блаженно улыбаясь, не спеша стал надевать пальто.

Дня через два после описанного Гвоздев, в синей блузе, подпоясанной ремнем, в брюках навывпуск, в ярко начищенных ботинках, в белом картузе, надетом набекрень и на затылок, и с суковатой палкою в руке, степенно гулял по Горе.

Гора представляла собою пологий спуск к реке. В давние времена на спуске этом стояла густая роща. Теперь почти вся она была вырублена, и лишь кое-где могучие, корявые дубы и вязы, поломанные грозами, вздымали к небу свои старые дуплистые стволы, широко раскинув узловатые сучья. У корней их вилась молодая поросль, кустарники льнули к стволам, и всюду среди зелени гуляющая публика протоптала извилистые тропы, сползавшие вниз к

реке, облитой сиянием солнца. Горизонтально пересекая Гору, шла широкая аллея заброшенный почтовый тракт и по ней-то главным образом гуляла публика, расхаживая в два ряда, один навстречу другому.

Гвоздеву всегда очень нравилось бродить взад и вперед по этой аллее вместе с публикой и чувствовать себя таким же, как и все, так же свободно вдыхать воздух, напитанный запахом листвы, так же свободно и лениво двигаться, быть частью чего-то большого и чувствовать себя равным со всеми.

В этот день он был чуть-чуть навеселе, его решительное рябое лицо смотрело добродушно и общительно. С левого виска его вились кверху русые вихры. Красиво оттеняя ухо, они лежали на околыше фуражки, придавая Гвоздеву ухарский вид молодчины мастерового, который доволен собой, хоть сейчас готов спеть, поплясать, подраться и во всякую минуту не прочь выпить. Этими характерными вихрами сама природа точно желала рекомендовать всем Николая Гвоздева как малого с огоньком и знающего себе цену. Одобрительно поглядывая вокруг себя прищуренными серыми глазами, Гвоздев миролюбиво толкал публику, без претензии сносил ее толчки, наступая дамам на шлейфы, вежливо извинялся, глотал вместе со всеми густую пыль и чувствовал себя прекрасно.

Сквозь листву деревьев видно было, как за рекой в лугах садилось солнце. Небо было там пурпурное, теплое и ласковое, манившее туда, где оно касалось краем темной зелени лугов. Под ноги гуляющим ложились узорные тени, и толпа людей наступала на них, не замечая их красоты. Франтовато засунув в левый угол губ папиросу и лениво выпуская из правого струйки дыма, Гвоздев присматривался к публике, ощущая в себе настоящее желание потолковать с кем-нибудь за парой пива в ресторане, внизу Горы. Знакомых никого не встречалось, а свести новое знакомство не было подходящего случая; публика, несмотря на праздник и ясный весенний день, была почему-то хмурая и не отвечала на его общительное настроение, хотя он уже не раз заглядывал в лица людей, шедших рядом с ним, с добродушной улыбкой и с выражением полной готовности вступить в беседу. Вдруг перед его глазами, в массе затылков, мелькнул хорошо знакомый гладко стриженный и плоский, точно стесанный, затылок редактора. Гвоздев улыбнулся, вспомнив, как он отделал этого человека, и с удовольствием стал смотреть на серую низенькую шляпу Истомина. Иногда шляпа редактора скрывалась за другими шляпами, это беспокоило Гвоздева; он приподнимался на носки, высматривая ее, находил и снова улыбался.

Так, следя за редактором, он шел и вспоминал о том времени, когда он, Гвоздев, был Николкой слесаревым, а редактор Митькой дьяконицыным. У них был еще товарищ Мишка, прозванный ими Сахарницей. Был еще Васька Жуков, сын чиновника из крайнего в улице дома. Хороший дом был старый,

поросший мхом, облепленный пристройками. У Васькина отца была прекрасная голубиная охота. На дворе дома ловко было играть в прятки, Васькин отец скупой был и берег на дворе всякий хлам какие-то изломанные кареты, бочки, ящики. Теперь Васька врачом в уезде, а на месте старого дома стоят железнодорожные пакгаузы. Все они обитали тогда на окраине города, в Задней Мокрой улице, жили дружно между собой и в постоянной вражде с мальчишками других улиц. Опустошали сады, огороды, играли в бабки, в шар-мазла и другие игры, учились в приходском училище... С той поры прошло лет двадцать...

Было время и прошло, были мальчишки такие же озорные и чумазые, как и Николка слесарев, и стали теперь важными людьми. А Николка слесарев застрял в Задней Мокрой. Они, кончив приходское училище, в гимназию попали, он не попал... А что, если заговорить с редактором? Поздороваться и начать разговор? Начать с того, что извиниться за скандал, и потом поговорить так вообще, про жизнь...

Шляпа редактора все мелькала перед глазами Гвоздева, как бы подманивая его к себе, и Гвоздев решился. Как раз в это время редактор шел один в свободном пространстве, образовавшемся среди публики. Он шагал тонкими ногами в светлых брюках, голова то и дело поворачивалась из стороны в сторону, близорукие глаза щурились, рассматривая публику. Гвоздев поравнялся с ним и сбоку любезно заглядывал ему в лицо, ожидая удобного момента, чтобы поздороваться, и в то же время ощущая острое желание знать, как отнесется к нему редактор.

Здравствуйте, Митрий Павлович!

Редактор обернулся к нему, одной рукой приподнял шляпу, другой поправил очки на носу, разглядел Гвоздева и нахмурился.

Это не обескуражило Николая Гвоздева, напротив, он приятнейшим манером нагнулся к редактору и, обдав его запахом водки, спросил:

Прогуливаетесь?

Редактор на секунду остановился; губы и ноздри его брезгливо дрогнули, и он сухо кинул Гвоздеву:

Что вам угодно?

Мне? Ничего! Так я это... хорошо сегодня! И очень желательно мне поговорить с вами насчет происшествия.

Я не желаю с вами ни о чем говорить! заявил редактор, ускоряя шаг.

Гвоздев сделал то же.

Не желаете? Понимаю... Вы в вашем праве, я это очень хорошо понимаю... Как я вас сконфузил, то, конечно, вы должны иметь против меня зуб...

Вы, просто... вы пьяны... снова остановился редактор. И, если вы не оставите меня в покое, я полицию приглашу.

Гвоздев ласково засмеялся:

Ну, зачем же?

Редактор искоса посмотрел на него тоскливым взглядом человека, попавшего в неприятное положение и не знающего, как из него выйти. Публика уже смотрела на них с любопытством. Истомин бессильно оглядывался вокруг.

Гвоздев заметил это.

Давайте свернем, сказал он и, не дожидаясь согласия, ловко оттер Истомина плечом в сторону с широкой аллеи на узкую тропу, спускавшуюся между кустарников вниз по горе.

Редактор не выразил протеста против этого маневра, может быть, потому, что не успел, а может потому, что вне публики, один на один, надеялся скорее и проще избавиться от своего собеседника. Он тихонько, осторожно упирався палкой в землю, шел вниз по тропинке, а Гвоздев следовал за ним и дышал ему на шляпу.

Вот тут близко есть одно дерево упавшее, мы и сядем... Вы, Митрий Павлович, не сердитесь на меня за этот мой поступок. Извините! Я ведь это со зла...

Нашего брата иногда такое зло разбирает, что и вином не зальешь... Ну, в такую вот пору и созорничаешь над кем-нибудь: прохожему в рыло дашь или что другое... Я не каюсь что сделано, то сделано, но, может, я даже очень хорошо понимаю, что сделал-то не совсем в меру... Перехватил.

Тронуло ли редактора это искреннее объяснение и личность Гвоздева возбудила в нем любопытство, или он понял, что ему не отделаться от этого человека, но он спросил Гвоздева:

О чем же вы хотите говорить?

А так... обо всем! Скорбит душа у меня, потому что обиду я чувствую себе...

Вот тут сядемте.

Мне некогда...

Знаю я... газета! Уест она вам половину жизни, все здоровье на нее просадите.

Я ведь понимаю! Он, издатель-то, что? У него в газете деньги, а у вас кровь!

Глаза-то вы уж прописали себе... Садитесь!

Пред ними вдоль тропы лежал большой пенёк полусгнивший остаток когда-то могучего дуба. Ветви орешника наклонились над деревом, образуя зеленый навес; сквозь ветви просвечивало небо, в красках заката; пряный запах свежей листвы наполнял воздух. Гвоздев сел и, обращаясь к редактору, который все еще стоял, нерешительно оглядываясь, заговорил:

Выпил я сегодня немного... Скучно мне жить, Митрий Павлович! От своих товарищей рабочих отстал я как-то, совсем у меня другое направление мысли. Увидал я сегодня вас и вспомнил, что ведь и вы товарищем мне были...

Он засмеялся, потому что редактор смотрел на него с такой быстрой сменой

выражений на лице, которая делала его действительно смешным.

Товарищем? Когда?

А давно уж, Митрий Павлович... Тогда мы еще в Задней Мокрой существовали... помните? Через двор друг от друга. А против нас Мишка Сахарница: по нынешним временам Михаил Ефимович Хрулев, следовательно судебный изволили иметь место жительства при своем строгом батюшке... Помните Ефимыча? Часто он нас с вами за вихры тряс... Да вы сядьте!

Редактор утвердительно кивнул головой и сел рядом с Гвоздевым. Он смотрел на него напряженным взглядом человека, вспоминающего нечто прочно забытое, и тер себе лоб.

А Гвоздев увлекался воспоминаниями.

Житье было у нас тогда! И почему только человек на всю жизнь ребенком не остается? Растет... зачем? Потом вырастает в землю. Несет всю свою жизнь несчастья разные... озлится, озверееет... чепуха! Живет, живет и в конце всей жизни одни пустяки... А тогда мы, бывало, жили без всякой темной мысли, весело, птички и всё тут! Порхали через заборы по чужие плоды трудов... Помните, я вам однажды в огороде у Петровны на воровском деле в нос огурцом закатил? Вы крик подняли, а я драла... Вы с мамашей к моему отцу приходили с жалобой, и отец меня выпорол, как следует быть... А Мишка, Михаил Ефимович...

Редактор слушал и, помимо воли, улыбался. Ему хотелось бы сохранить серьезность и достоинство пред этим человеком. Но в рассказах о ясных днях детства было что-то трогательное, и в тоне Гвоздева пока еще не особенно резко звучали ноты, угрожавшие самолюбию Дмитрия Павловича. Да и кругом было хорошо. Где-то вверху шаркали по песку дорожки ноги гуляющей публики, чуть доносились голоса, иногда звучал смех; но вздыхал ветер и все эти слабые звуки тонули в меланхоличном шорохе листвы. А когда шорох замирал, были моменты полной тишины, точно все кругом чутко прислушивалось к словам Гвоздева, сбивчиво рассказывавшего повесть о юности...

Помните Варьку, маляра Колокольцова дочь? Теперь она замужем за типографщиком Шапошниковым. Такая барыня мимо идти страшно... Тогда она девчурочка хвора была... Помните, пропала она однажды, и все мы мальчишки со всей улицы по полю да по оврагам искали ее! В лагерях нашли и вели ее полем домой... Шуму было страсть! Колокольцов пряниками угостил, а Варька, увидавши мать свою, сказала: А я была у барыни офицеровой, и она меня в дочки к себе зовет! Хе-хе!.. В дочки!.. Славная девчурка была...

С реки доносились какие-то звуки, словно тихо охала чья-то могучая, тоскующая грудь. Пароход шел, в воздухе плыл шум воды, разбиваемой его колесами. Небо было розовое, а вокруг Гвоздева с редактором сгущался

сумрак. Медленно наступала весенняя ночь. Тишина становилась полной, глубокой, и, как бы подчиняясь ей, Гвоздев понизил голос... Редактор молча слушал его, вызывая в своей памяти смутные картины давно минувшего. Все это было...

Так вот, Митрий Павлович, значит, оно и выходит, что птица я одного с вами гнезда... А полеты у нас разные... И, как вспомню я, что ведь вся разница между мной и моими товарищами бывшими только в том, что не сидел я в гимназии за книгами, горько мне и тошно бывает... Разве в этом человек? В душе он, в чувствах к ближнему своему, как сказано... Ну вот вы мой ближний, а какую я цену имею для вас? Никакой верно?

Редактор, увлеченный своими мыслями, не расслышал, должно быть, вопроса своего собеседника.

Верно! сказал он тоном искренним и рассеянным.

Но Гвоздев захохотал, и он спохватился:

Позвольте? Что, собственно, верно?

Верно, что я для вас пустое место... Есть я или нет меня, вам все равно наплевать. Зачем вам душа моя? Живу я один на свете и всем людям, меня знающим, очень надоел. Потому у меня характер злой и очень я люблю разные фокусы выкидывать. Однако у меня чувства тоже есть и ум есть... Я чувствую обиду в моем положении. Чем я хуже вас? Только моим занятием... Да-да... это печально! сказал редактор, наморщив лоб, сделал паузу и продолжал каким-то успокоивающим тоном: Но, видите ли, тут нужно применить другую точку зрения...

Митрий Павлович! Зачем точка зрения? Не с точки зрения человек человеку внимание должен оказывать, а по движению сердца. Что такое точка зрения? Я говорю про несправедливость жизни. Разве можно меня с какой-нибудь точки забраковать? А я забракован в жизни нет мне в ней хода... Почему-с? Потому, что не учен? Так ведь ежели бы вы, ученые, не с точек зрения рассуждали, а как-нибудь иначе, должны вы меня не забыть и извлечь вверх к вам снизу, где я гнию в невежестве и озлоблении моих чувств? Или с точки зрения не должны?

Гвоздев прищурил глаз и, торжествуя, посмотрел в лицо своего собеседника. Он чувствовал себя в ударе и выпускал из себя всю свою философию, придуманную в долгие годы своей трудовой, безалаберной и бесплодной жизни. Редактор был смущен натиском собеседника и старался определить что это за человек и что ему возразить на его речь? А Гвоздев, в упоении самим собой, продолжал:

Вы люди умные, сто ответов мне дадите, и все будет нет, не должны! А я говорю должны! Почему? Потому что я и вы люди из одной улицы и одного происхождения... Вы не настоящие господа жизни, не дворяне... С тех нашему

брату взятки гладки. Те скажут: Пшел к черту! и пойдешь. Потому они издревле аристократы, а вы потому аристократы, что грамматику знаете и прочее... Но вы свой брат, и я могу требовать с вас указания пути моей жизни. Я мещанин, и Хрулев тоже, и вы дьяконов сын...

Но, позвольте... просительно сказал редактор, разве я отрицаю ваше право? Но Гвоздеву совсем неинтересно было знать, что отрицает и что признает редактор; ему нужно было высказаться, и он чувствовал себя в этот момент способным сказать все, что когда-либо волновало его.

Нет, вы позвольте! уже каким-то таинственным шепотом говорил он, близко склоняясь к редактору и блестя возбужденными глазами. Как вы думаете, легко мне теперь работать на моих товарищей, которым я в старину носы расквашивал? Легко мне с господина судебного следователя Хрулева, у которого я с год тому назад ватерклозет устанавливал, сорок копеек на чай получить? Ведь он человек одного со мною ранга... и было его имя Мишка Сахарница... у него зубы гнилые и посейчас, как тогда были...

Редактор задумчиво смотрел на него сбоку и молча соображал что же сказать этому парню? Нужно сказать что-нибудь хорошее, правдивое и искреннее. Но у Дмитрия Павловича Истомина ничего нужного в данный момент не нашлось ни в голове, ни в сердце. Давно уже всякие идейные и выпренные разговоры по вопросам вызывали в нем чувство скуки и утомления. Он вышел сегодня отдохнуть, нарочно избегал встреч с знакомыми и вот этот человек со своими речами. Конечно, в его речах, как и во всем, что говорят люди, есть некоторая доля правды. Они любопытны и могли бы послужить очень интересной темой для фельетона...

Все, что вы сказали, не ново, знаете, начал он. О несправедливости отношений человека к человеку давно идет речь... Но, пожалуй, эти ваши речи являются новостью в том смысле, что раньше их говорили люди иного сорта... Вы несколько односторонне и неверно формулируете ваши думы... но... Опять ваша точка зрения! усмехнулся Гвоздев. Эхма, господа, господа! Умом-то вы награждены, а сердце-то, видно, померло... Вы мне скажите что-нибудь такое, чтобы сразу по недугу мне пришлось... вот!

Он, опустив голову, ждал ответа.

Истомин снова посмотрел на него, наморщив лоб, ощущая сильное желание уйти. Ему казалось, что Гвоздев пьянеет и оттого так раскис после своих возбужденных речей. Он смотрел на белую фуражку, съехавшую на затылок, на рябую щеку и задорный вихор Гвоздева, смерил взглядом всю его сильную жилистую фигуру и подумал про него, что это очень типичный рабочий, и если б...

Так что же? спросил Гвоздев.

Да что же я могу вам сказать? Откровенно говоря, я не совсем ясно

представляю себе, что именно хотели бы вы...

То-то вот и есть!.. Ничего вы мне не можете ответить, усмехнулся Гвоздев. Редактор облегченно вздохнул, справедливо предполагая, что разговор окончен и Гвоздев уже не будет больше к нему приставать с вопросами... И вдруг он подумал:

А что, как он побьет меня? Он такой злой.

Ему вспомнилось выражение лица Гвоздева там, в редакции, во время этой глупой сцены. И он подозрительно покосился на него.

Было уже темно. Тишина прерывалась звуками песни, долетавшей издалека с реки. Пели хором, теноровые голоса слышались совсем ясно. Большие жуки, металлически звеня, носились в воздухе. Сквозь листву деревьев видны были звезды... Иногда та или другая ветка над головами отчего-то вздрагивала и слышалось тихое трепетание листьев.

А ведь роса будет, сказал редактор осторожно.

Гвоздев вздрогнул и повернулся к нему.

Что вы сказали?

Роса будет, говорю, вредно это...

А-а!

Помолчали. На реке раздался крик:

Эй-й! На-а барже-е!..

Я думаю идти. До свидания!..

А не распить ли нам пару пива? предложил вдруг Гвоздев и, усмехаясь, добавил: Окажите честь!

Нет, извините, я в это время не могу. И потом пора мне, знаете...

Гвоздев встал с дерева и угрюмо посмотрел на редактора.

Тот протягивал ему руку, тоже встав.

Не желаете, значит, пить пиво со мной?! Ну и черт с вами! отрубил Гвоздев, нахлобучивая свою фуражку резким жестом. Аристократия! На грош пара! Я и один напьюсь...

Редактор храбро повернулся спиной к своему собеседнику и пошел вверх по тропинке, странно втянув голову в плечи, точно боялся задеть ею за что-нибудь. Гвоздев крупными шагами пошел вниз по горе.

С реки доносился надрывавшийся голос:

На барже-е! Черти-и! Да-а-вай лодку-у-у!

И среди деревьев разносилось тихое эхо:

О-у-у-у!..